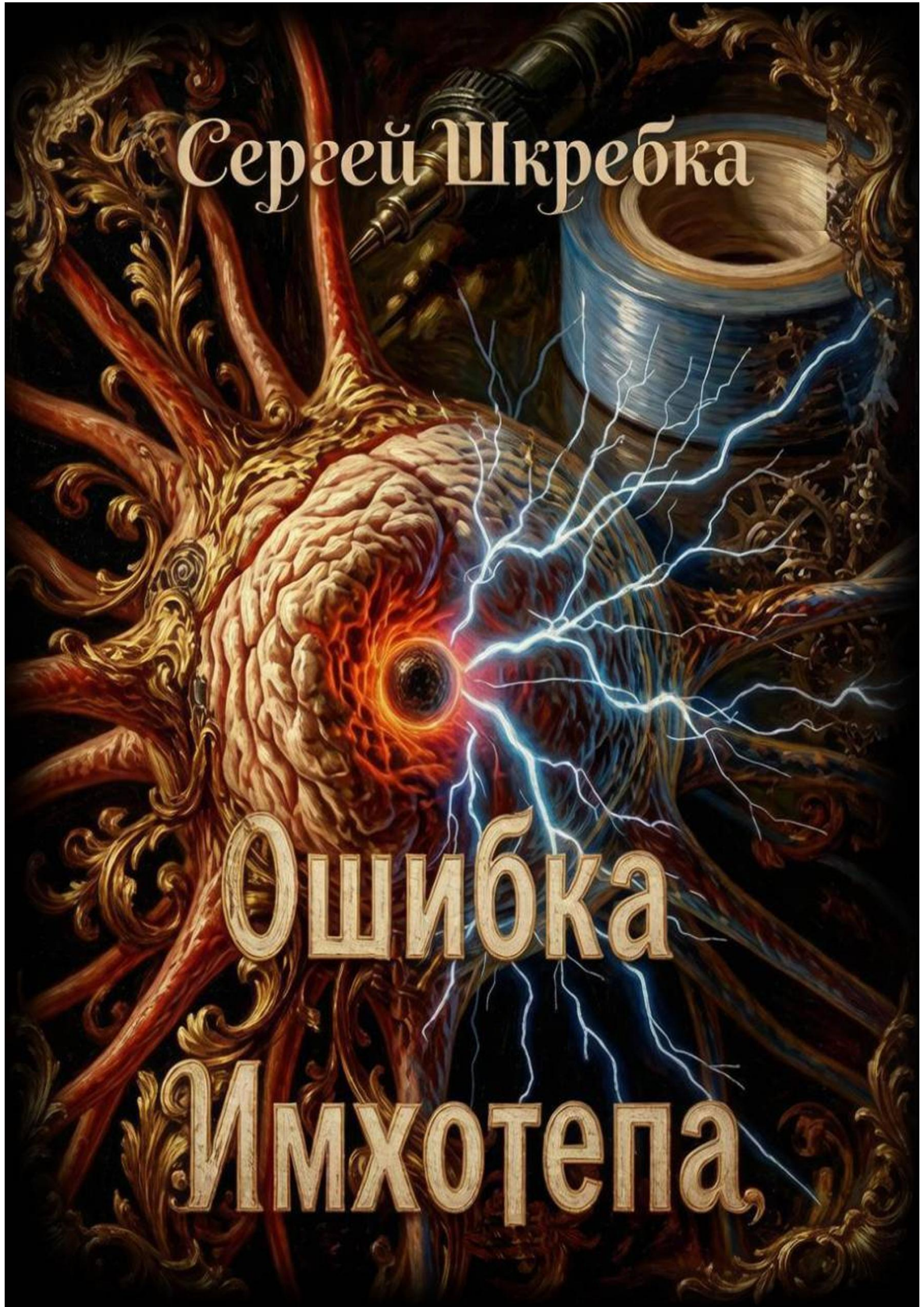

Сергей Шкребка

Ошибка
Имхотепа

Сергей Шкребка
Ошибка Имхотепа

«Автор»

2026

Шкробка С. А.

Ошибка Имхотепа / С. А. Шкробка — «Автор», 2026

Это жесткий научно-фантастический триллер о том, что мы не готовы к бессмертию. Ошибка гения, сенсорный ад, сын, воскрешающий умирающего отца, и вопрос, на который никто не хочет отвечать: что делать, если дар становится проклятием? Гениальный студент-программист случайно вместо чипа для слепых собрал устройство, отменяющее клеточную смерть. Но за вечную жизнь приходится платить. За студентом охотятся спецслужбы, фармкорпорации и собственная совесть. Потому что следующая версия чипа это биологическое рабство.

© Шкробка С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
1. Хроники кривого паяльника	6
2. Эпилептический шторм	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Сергей Шкробка

Ошибка Имхотепа

Глава

*Надеюсь, мы научимся не только жить вечно, но и умирать
вовремя*

Ошибка Имхотепа

1. Хроники кривого паяльника

Я всегда говорил своим студентам: «Господь Бог создал человека из праха, а мы, биоинженеры, лепим новые нейроны из грязи и системных ошибок». Эту фразу я повторяю на каждой вводной лекции, обычно глядя в потолок аудитории, где ещё со времён моей молодости осталась жёлтая протечка.

Я и представить себе не мог, что однажды стану соавтором величайшего открытия. Непосредственным же творцом новой эры человечества окажется не маститый академик с десятком регалий, а мой самый безалаберный студент-дипломник — Роман Горохов.

Рома попал ко мне случайно, по административной необходимости. Его родной факультет программирования и робототехники получил грант на разработку нейроинтерфейсов, а поскольку своих биологов у них не было, студентов распределили по профильным кафедрам для прохождения практики. Так Горохов оказался в моей лаборатории, где требовались руки, умеющие паять микросхемы и писать прошивки. Как программист он был действительно гением. Я это понял сразу, едва взглянув на его чистый, элегантный, с минимальным количеством строк и дающий максимальный результат код. Но как прилежный ученик Рома был катастрофой. Лентяй и оболтус, он мог неделями не появляться в лаборатории, а потом прийти в три часа ночи и за два часа сделать то, на что у целой группы уходил месяц.

Его совершенно не интересовала биология. Медицинские термины он путал с названиями деталей для дронов, а на вопрос о разнице между буферным раствором и физраствором однажды ответил: «Ну, один солёненький, а другой не очень». Однажды я застал его за тем, как он загружал в лабораторную центрифугу клубнику и банан. «Смузи захотелось, Илья Андреевич, — пояснил он, не моргнув глазом. — А что, нельзя? Она же крутится». Центрифуга после этого сбила ещё неделю. Я хотел выгнать его с кафедры, но его код был безупречен, а руки — золотыми. Он паял микросхемы с закрытыми глазами, и они работали. Именно парадокс гения программирования и беспросветного оболтуса в естественных науках и стал причиной всего, что случилось дальше.

Тема его диплома звучала скромно и гуманно: «Разработка чипа управления органами чувств для передачи сигналов мозга к больным органам». Мы хотели помочь людям с ограниченными возможностями. С одной стороны, идея, как всё гениальное, была проста, и в то же время сложна, как всё нейробиологическое. Если из-за разрыва зрительного нерва глаз слеп, а этот проклятый кабель от сетчатки к коре не спаять, то наш чип мог бы поймать импульс мозга, усилить и преобразовать в сигнал, имитирующий электрический ритм здоровой аксональной проводимости, и передать прямо на зрительный перекрёст, минуя разрыв. Мы хотели создать «мост» через пропасть. Протез для умирающего нерва.

Рома не был гением в теории, но зато был виртуозом «кривого паяльника». Пока я мучился с вычислительной мощностью, фильтрацией шумов и спектральным анализом сигналов, этот оболтус в общежитии на коленке собрал опытный образец. Когда он притащил его мне в лабораторию, я даже поперхнулся кофе. Это был гибрид слухового аппарата и старых советских часов «Электроника», примотанный синей изолентой к разъёму для батареек.

— Это что, камень Имхотепа? — спросил я, брезгливо трогая пинцетом торчащие контакты.

— Это рабочий прототип, Илья Андреевич. И током не бьёт, я проверял, — он улыбнулся, потирая мочку уха.

— На себе?

— Я что, похож на идиота? Конечно на товарище. Вы же знаете, у моего соседа зрение минус восемь. Валерка долго не соглашался тестировать, я силой нацепил это устройство, потом он немного подёргался, но выжил.

— Что, всё так плохо? — ухмыльнулся я.

— Да вы что? Ему так понравилось, что я еле отобрал.

Валерку я вызвал на следующее утро. Он мялся в дверях лаборатории, щурясь на мой халат, и смотрел на Рома с плохо скрытой обидой.

— Не дёргайся, — сказал Рома, снова прилаживая конструкцию товарищу на висок. — В прошлый раз ты сам виноват, сказал же: не трогай усиление.

— А она гудела, — буркнул Валерка.

— Что гудела? — насторожился я.

— Ну, поначалу, эта штука. Как холодильник старый.

Рома закатил глаза.

— Так настройка шла на твой тупой мозг.

А Валерка сидел в противоположном от меня углу лаборатории, он снял очки, выпрямился на стуле и повернулся ко мне.

— Блин, супер-штука, — сказал он уже другим тоном. — Я в этой штуке всё вижу. Чётко, ясно, как до того случая, когда мне петардой на выпускном в школе ослепило. Хотите, табличку на вашем халате прочитаю? Оставьте эту штуку мне, а?

Он замолчал, подбирая слова.

— Я когда понял, что вижу, у меня аж дыхание перехватило. А Рома тут же: «Снимай давай, тестирование окончено». Я ему говорю: «Дай ещё посижу». А он... — Валерка покосился на Горохова, — отобрал.

— Потому что прибор один и ещё даже на крысах не проверялся, — огрызнулся Рома. — Хватит с тебя.

Пока они препирались, я потянулся к стойке анализатора спектра. Рома, несмотря на свою безалаберность, как любой уважающий себя схемотехник, решил довериться приборам с визуальным контролем. Провода от прототипа тянулись к входным гнездам анализатора, стоявшего тут же, на тележке.

Я бросил взгляд на экран. Сигнал шил идеально чистый, один острый пик на несущей частоте, никаких гармонических искажений, никакой цифровой зернистости, чистейший сигнал, будто сама клетка пела в унисон с прибором.

Принцип работы, который Горохов описал в пояснительной записке, на одной странице с двенадцатью грамматическими ошибками, зиждился на аналоговой волне. Это было архаично, как патефон на выставке лазерных дисков, но в этом и крылась дьявольская логика. Цифра требует декодирования, преобразования, она дискретна. А живая клетка работает на непрерывных градиентах ионов натрия и калия и Рома просто скопировал этот ритм.

После этого случая я взял разработку под личный контроль. Нет, я не перестал доверять Роме. В конце концов, его прибор работал, и работал чертовски хорошо. Но одно дело тестировать «Око Имхотепа» — так Рома назвал свой первый прототип, на товарище по общежитию, и совсем другое подготовить прибор к настоящим клиническим испытаниям. Я перетянул Горохова работать из общаги в лабораторию, выделил ему отдельный стенд, доступ к нормальному оборудованию и, к приборам, которые не сбились после клубничных смузи. За две недели Рома собрал новый аккуратный микрочип на гибкой подложке, размером меньше чем рисовое зёрнышко и никакой синей изоленты. Даже я, повидавший десятки дипломных поделок, признал, что вещь вышла ювелирная. Оставалось проверить её на том, у кого нет привычки читать таблички на халатах.

2. Эпилептический шторм

Мы имплантировали прототип лабораторной крысы линии Wistar. Старая, злая самка с каталожным номером W-117. Ей хирургически перерезали седалищный нерв на правой задней лапе. Крыса волочила конечность, как ядро каторжника, и по всем прогнозам дня через четыре, должна была тихо угаснуть в углу клетки. Мы подключили чип, настроили частоту на ритм здоровой мышечной ткани. И включили.

Вместо того чтобы заставить икроножную мышцу сократиться, чип ввёл моторную кору крысы в состояние эпилептического шторма. Это был не тета-ритм сна и не альфа-ритм покоя. Это была гамма-буря. Осциллограф захлебнулся, ломая перо. Крыса замерла, выгнулась дугой, из пасти пошла пена. Я выругался, хотел обесточить стенд, но Рома схватил меня за руку.

— Подождите, профессор, ещё чуть-чуть, а вот теперь гляньте.

До этого мутный Глаз крысы, затянутый старческой катарактой, стал чистым, как капля чёрного стекла. Я всё равно был уверен, что она подохнет, но на третьи сутки, когда я зашёл в виварий, то не поверил своим глазам. Крыса W-117 стояла на задних лапах, уцепившись за прутья клетки. Её клочковатая, седая шерсть стала густой и шелковистой. А ещё отрос удалённый при операции хвост. У млекопитающего в условиях лаборатории отрос хвост.

Проведённый лабораторный анализ меня ошеломил. Я заказал проточную цитометрию и ПЦР-анализ теломерных повторов. Когда пришли результаты, я заперся у себя в кабинете и минут пятнадцать просто смотрел в распечатку. Потом вызвал Рому.

Горохов явился через полчаса, жуя бутерброд. Соус с сыром капал на халат.

— Рома, — сказал я, стараясь говорить спокойно. — Ты знаешь, что такое теломеры?

— Это... ну, эти, — он помахал бутербродом в воздухе. — Которые как наконечники на шнурках. Чтобы ДНК не разломачивалось. Вы же кажется так рассказывали.

Я мысленно поставил ему четвёрку. Для человека, путающего физраствор с буфером, потрясающая точность.

— Именно. С каждым делением клетки они укорачиваются. Это как счётчик. Когда теломеры кончаются, клетка умирает. Это называется предел Хейфлика. У человека примерно пятьдесят делений, у крысы правда побольше, но тоже не бесконечно. Это защита от рака, понимаешь? Старые клетки должны уходить. Они должны уметь умирать.

— А наши типа не умирают, — сказал Рома.

Я посмотрел на него внимательнее, может, не такой уж он и профан?

— Ты откуда знаешь?

— Так вы ж меня вызвали не чтобы лекцию пересказывать. — Он доел бутерброд и вытер пальцы о халат. — Если б всё было нормально, вы бы просто написали отчёт. А раз вызвали значит, там какая-то дичь. Чё, теломеры удлинились, что ли?

Я молча подвинул ему распечатку. Он уставился в цифры, наморщив лоб.

— Ого. А вот эти... как их... ну, которые клетку убивают, когда она старая. Каспазы, да? Которые этот, как его, апоптоз запускают. Они что, вырубались совсем? Типа, клетка состарилась, а сигнал «пора на свалку» ей не приходит? Как будильник, который не зазвонил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.